

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

За полгода до смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806375

Аннотация

«Важен день, когда впервые увидишь человека, да когда этот первый раз по воле судьбы останется и единственным: налагает свою печать природа. И Лев Николаевич Толстой, которого я видел один и единственный раз, навсегда останется для меня в ореоле чудесного апрельского дня, в весеннем сиянии солнца, в ласковых перекатах и благодушном погромыживании апрельского грома. Пусть он сам знал и осени дождливые и зимы: для меня, случайного человека, он явился весной и весной с последним взглядом ушел...»

Содержание

Леонид Николаевич Андреев

За полгода до смерти

Важен день, когда впервые увидишь человека, да когда этот первый раз по воле судьбы останется и единственным: налагает свою печать природа.

И Лев Николаевич Толстой, которого я видел один и единственный раз, навсегда останется для меня в ореоле чудесного апрельского дня, в весеннем сиянии солнца, в ласковых перекатах и благодушном погромыхивании апрельского грома. Пусть он сам знал и осени дождливые и зимы: для меня, случайного человека, он явился весною и весною с последним взглядом ушел.

Конечно, я боялся его, – а дорога от Тулы длинная, и бояться пришлось долго. Конечно, я не доверял ни ему, ни себе, и вообще ничему не верил: был в полном расстройстве. И уж, конечно, не обрадовался я, когда показались знаменитые яснополянские белые столбы, хотя от самых ворот начал фальшиво улыбаться: ведь из-за любого дерева мог показаться он.

И все это нелепое прошло сразу, положительно сразу, при первом же взгляде, при первых же звуках разговора и приветствия. Я говорю: «звуках» потому, что слов первых я все-таки

не расслышал. И оттого ли, что так хорош был весенний день и так хорош был сам Лев Николаевич, – я ничего дурного не заметил ни в людях, ни в отношениях, ни единой дурной черточки. Пробыл я сутки и за сутки много беседовал и с Львом Николаевичем, и с Софьей Андреевной, и с другими, и все люди показались мне прекрасными: такими я вижу их и до сих пор и буду видеть всегда.

Всего шесть месяцев отделяло Льва Николаевича от смерти, и уже было, значит, то, что привело его к страшному решению покинуть дом и семью¹, но я решительно ничего не заметил. И наоборот: многое в словах Софьи Андреевны и в ее обращении с мужем тронуло меня своей искренней любовью, дало ложную уверенность в том, что последние дни Льва Николаевича проходят в покое и радости. Не допускаю и мысли, чтобы здесь с чьей-нибудь стороны был сознательный или бессознательный, привычный с посторонни-

¹ *...привело его к страшному решению покинуть дом и семью...* – Л. Толстой покинул Ясную Поляну 28 октября 1910 г. Узнав об этом из газет, Андреев в разговоре с В. В. Брусняниным вспомнил о своей прогулке с Л. Толстым. «Он хочет умереть, как великий художник!.. Как это красиво! Как это полно! Толстому в его жизни, и всему, что он писал, недоставало одного последнего штриха... Часто думалось, как назвать то, чего не хватает в его жизни? И вот Толстой сам нашел это нужное и сам же назвал его» («Утро России», 1910, № 293, 6 ноября). Впоследствии, в непроизнесенной речи о Л. Н. Толстом (1910 г.) Андреев написал: «Мой Толстой – герой. Коленопреклоненно созерцал я эту исполинскую фигуру, этот дивный образ, столь возвышенный и прекрасный... Жизнь Толстого – изумительное сочетание величавого эпоса и трагедии... Все в его жизни огромно, и все в его жизни человечно...» (Уч. зап. ТГУ, вып. 104, с. 171. Публикация В. И. Беззубова).

ми, обман; объясняю же я свою ошибку тем, что было в ихней жизни две правды, и одну из этих правд я и видел. Другой же правды не знает никто, кроме них, и никто теперь не узнает...

Но что другие... Смотрел я больше всего на Льва Николаевича, и его больше всего помню, и вот каким его увидел.

Ни суровости, которая во всех его писаниях и портретах, ни жесткой остроты черт, ни каменной твердости наваленных одна на другую гранитных глыб, ни титанической власти, подчиняющей себе и всю жизнь и всех людей, – ничего этого не было. Когда-то оно было, когда-то именно оно и составляло Льва Толстого, но теперь оно ушло вместе с годами и силой. С правильностью почти математической, завершая круг своей жизни, пришел он к мягкости необычайной, к чистоте и беззлобию совсем детскому².

Эта мягкость была настолько необыкновенна, что не только виделась, а как бы и осязалась. Мягкие седые волосы, нематериальные, как сияние, мягкий стариковский голос, мягкая улыбка и взгляд. И идет он так мягко, что не слышно шагов, и одет он в какую-то особенно мягкую фланелевую блузу, и шапочка у него мягкая... Мне пришлось после до-

² ...беззлобию совсем детскому. – По возвращении из Ясной Поляны в Москву Андреев поделился своими первыми впечатлениями о Л. Толстом с сотрудником газеты «Утро России» С. С. Раецким (псевдоним: Мистер Рэй): «Он светится весь. В каждой его улыбке, взгляде, в каждой морщине лица столько же, если не больше, глубочайшей мудрости, как и в его словах. И, быть может, даже не так важно слышать его, как видеть» (Утро России, 1910, № 134, 29 апреля).

жды, промочившего мою шляпу, некоторое время погулять в этой шапочке: и положительно было такое чувство, будто и меня от шапочки волосы стали седые и мягкие.

И я думал все время: «Где еще в мире можно встретить такого благостного старца? И чем стали бы мир и жизнь, если бы не было в нем такого старца?» Извиняюсь за личное свое, но без него при таком воспоминании никак не обойдешься: не печаль, и не страх близкой всем нам смерти, и не сомнения в смысле нашей человеческой жизни ощутил я от соседства с великим старцем, а весеннюю небывалую радость. Вдруг погасли сомнения, и легким почувствовалось бремя жизни, оттягивающее плечи; и то, что казалось в жизни неразрешимым, запутанным и страшным, стало просто, легко и разрешимо.

Вот мы идем весенним лесом, и напрасно стараюсь я не утомить Льва Николаевича быстротою: он шагает быстрее и легче меня и разговаривает на ходу без одышки. Уже и дуб зазеленел, но в низинах мокро по-весеннему, выдавливается вода под ногою – и Лев Николаевич легко прыгает по кочкам и бугоркам, ловко идет по краю, не обходит и широкую канавку. Я кружусь без дороги, а для него тут все родное и знакомое: вот пересекает поляну с весенними цветами, и, смотря вниз, тихо и как бы для себя, он произносит стихотворение Фета о весне: о цветах и о радостях весенних.³

³ ...он произносит стихотворение Фета о весне: о цветах и о радостях весенних. – Возможно, стихотворение «Весенние мысли» (1848). Об отношении

Заходит гроза: слева еще солнце, а справа небо между листвою черно, и погромыхивает гром, впрочем, не сердито. Но ведь он же промокнет, а как сказать? Хлынул дождь, и опять неразрешимая задача: идти шагом – он промокнет до нитки; бежать – но он едва ли может бегать? Оказывается, может: бежит впереди меня, поспешает к чему-то в листве белеющему. Какой-то каменный флигель, старинное каменное крыльцо с навесом: там и укрываемся у старой запертой, нежилой двери, а дождь кругом струнно и весело гудит, и откуда-то беззаботно светит солнце.

Льву Николаевичу весело, что удалось промокнуть, он улыбается, живет. По аллее идет пестрая в красных цветах баба: сарафан задрала на голову и бессмысленно улыбается круглым без выражения лицом.

– Дурочка! – коротко поясняет Лев Николаевич и весело зовет: – К нам иди, Палаша, у нас сухо.

Теперь нас трое у запертой двери; теснимся, Лев Николаевич оживленно и весело спрашивает:

– Попортила наряд, Палаша? Хороший у тебя наряд.

– Намокла! – туго ворочаются губы, и все так же улыбается круглое лицо.

– Высохнешь, не бойся.

А от недалекого дома уже бегут со всяким платьем: послала на выручку Софья Андреевна, и сама беспокойно ждет

у дверей, под редкими уже каплями дальше пошедшего дождя.

Вот обед. Лев Николаевич против меня, и сперва мне неловко видеть, как стариковски, старательно и молчаливо жует он беззубыми деснами; но он так правдив и прост в этой стариковской своей беспомощности и старательности, что всякая неловкость проходит. Окна открыты. С бубенцами и колокольчиками разгульно подъезжает кто-то пьяный⁴, и сын Льва Николаевича идет узнать, можно ли его принять. К сожалению, нельзя: пьян.

– Совсем пьян? – спрашивает с недоверием Лев Николаевич.

– Совсем. С ним товарищ, так тот еще пьянее.

– Скажи ему, чтобы трезвый приехал.

– Я уж говорил, да он говорит, что трезвый не может: боится.

Так же разгульно отчаливают бубенцы и колокольчики: уехал. Старательно жует Лев Николаевич, но уже видно, что он в раздумье – подводит итог посетителю-неудачнику. Останавливается и говорит как бы для себя:

– Люблю пьяниц.

Прозвучало это так хорошо, что здесь трудно передать.

Вот сумерки. Открыто окно в парк, и там еще светлеет, а в большой комнате неясный и тихий сумрак, и люди темнеют

⁴ ...разгульно подъезжает кто-то пьяный... – Речь идет о тульском помещике В. А. Бибикове, сыне владельца имения Телятники, проданного А. Л. Толстой.

живыми, малоподвижными, задумчивыми пятнами у окна – Лев Николаевич: темный силуэт головы с светлыми бликами на выпуклостях лица, светлая блуза; и чувствуется, как весь он охвачен свежим и душистым воздухом вечера, дышит им глубоко и приятно. И, глядя на него, говорит Софья Андреевна с простотою долгой жизни:

– Левушка намного старше меня. Умрет он – что я тогда буду делать?

Не знаю, слышал ли он эти слова.

Вот вечерний чай. Лев Николаевич читает вслух, волнуясь, статью Жбанкова о самоубийствах⁵. Кажется, так – я, каюсь, плохо слушал, был занят тем, что врубал в свою память его лицо. И многое заметил, чего не знал раньше по портретам, и особенно удивлялся его чудесному лбу: под светом лампы он выделялся с скульптурной четкостью. И наиболее поразило меня то, что брови были как бы во впадине, а над бровями начиналась мощная выпуклость лба, его светлый и просторный купол. И ничего другого в этот час я не видел, а пожалуй, и не слышал, кроме этой огромной и загадочной, великой человеческой головы.

...А вот и прощанье⁶ – тогда я не думал, что последнее,

⁵ ...статью Жбанкова о самоубийствах. – Д. Н. Жбанков (1856–1932) – врач, общественный деятель, близкий к народничеству публицист. Имеется в виду его статья «Современные самоубийства», опубликованная в журнале «Современный мир», 1910, № 3.

⁶ ...А вот и прощанье... – в беседах с Андреевым (одна – до-верительная – состоялась без свидетелей в кабинете и радостно взволновала и растрогала гостя)

рассчитывал вскорости опять приехать. Но – вышло последнее. На мгновение, которого нельзя ни сознать, ни запомнить в его глубине, приблизилось ко мне и дало поцелуй его уста... и все ушло.

Возвращаясь в Тулу все под тем же весенним солнцем, я думал, что жизнь есть счастье.

27. X – 1911

Л. Толстой интересовался творческими планами Андреева, расспрашивал его, в частности, о замысле новой трагедии «Анатэма», предлагал сотрудничать в издательстве «Посредник». 22 апреля 1910 г. Л. Толстой записал в дневнике: «... поговорил с Андреевым. Нет серьезного отношения к жизни, а между тем поверхностно касается этих вопросов» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 58. М. – Л., 1932, с. 41). Вместе с тем после личного знакомства Л. Толстой заметно подбрел к Андрееву. «Он милый, приятный, думает все о серьезных, важных вещах, но как-то не с того конца подходит, – нет настоящего религиозного чувства. Может быть, еще рано. Но он милый, мне было с ним очень приятно» (Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М. – Пг., 1923, т. 2, с. 15). Л. Толстой сфотографировался с Андреевым: «Ничего, он очень приятный человек... Такой красивый, здоровый человек. Булгаков нас снял с ним» (ЛН, т. 90, кн. 4, с. 233).